

Ирина Крупеникова
КОГДА ДЫШАЛ МОРОЗОМ МЕСЯЦ-МАЙ

*Посвящается всем растениям северо-запада и средней полосы России,
пострадавшим от небывалых холодов 2-11 мая 1999 г.*

Солнце взошло. И ветер сегодня теплый. Эй, просыпайся, молодежь, пора утро встречать. Нынче май славный — все по закону: ночью зябко, а день добрый. Воды у матушки-земли вдоволь, пей — не хочу. Водица родимая по жилкам гуляет, благолепье! Люблю я эту весеннюю пору. Каждый год новый лист раскрываю, будто первый раз, когда только-только из-под земли ростком выбился. Вы, молодняк, годков через двадцать это оцените, а пока щурьтесь, щурьтесь, да не забудьте ветру поклониться да листочки на восток обратить. Солнце ждать не станет, лучом как кистью махнет, и за горизонт. А для нас солнышко — сама жизнь. Это лишь кажется, весна и лето не спешат. Траву перерасти не успеете, а они нам сентябрьский поцелуй, и след простыл.

А вот и соседи пробудились. Здравия всем и долгих лет! Как самочувствие, Дубок?... Увлёкся, последние сплетни впитывает. Подрос, окреп, выкормыш человеческий. Мы тут в сквере так его зовем. Он не обижается, смеется. Никто до него у нас смеяться не умел. Видать, от людей перенял. Славный он малый. Позапрошлый год его в сквер в кадке принесли. Человек-мужчина — большой шаг — я сразу определил: взрослый. И человек-женщина — росток совсем, ребенок то есть. Родитель и его отпрыск. Не спрашивайте меня, как я людей угадываю. Слышу, чую — это мне от предка досталось, Лесной Березы. Я его память по сей день храню.

Человек-мужчина начал землю тревожить, прямехонько над моими корнями. Я уж грешным делом чуть не завопил, а ну как подрубит. Но нет. Он ко мне своего выкормыша подсаживает и говорит. Ласковое что-то он говорил, нежное. До сих пор диву даюсь: странные существа — люди. Собак, кошек в домах приживают, знаю. Птиц в клетки запирают, рыб в банках с водой держат, даже цветы у них на окнах живут. А тут — деревце. Причем любили его не меньше, чем кошку или щенка. Я это по их теплу угадал. Точь-в-точь то же тепло, что у человека-женщины, которая каждое утро здесь проходит, и рядом с ней собака.

Дубок хилый был, хуже и придумать нельзя. Где ж ему здоровым расти! В кадке-то да в четырех стенах, без солнца, без родни. Добре, что людям хватило смекалки настоящей земле его отдать. Мы с Липой долго выкормыша в чувство приводили. Он ведь даже говорить не умел и нас понимал с трудом. Но ничего, выжил. И прошлый май выдержал.

Здесь его корешки, рядом. В моих корнищах запутались. Ничего, тесно не будет. А когда он в великана-дуб превратится, я уступлю. Время мне придет уступить. Нет, мне не жаль, напротив. Знаю, доброе дерево мое место на земле займет.

Послушаю, как там брат-Липа... Молчит. Э-эх. Сам я уж полвека на земле стою, а ведь как поросль несмышленная жду чуда: вдруг очнется друг, ответит. Напрасно. Мертвы корни, мертв прошлогодний срубок. Но все-таки где-то глубоко жизнь теплится. Одна почка набухла. Земля позволит, так следующей весной вытянется росток.

Молодняк, который нынче земное чрево покинул, память впитывает жадно, что воду. Уж не раз меня просили не таить, поведать о злой беде, о том, как одолели ее, устояли. Никто другой рассказывать не берется. Сок в ветках стынет, когда вспоминают. Я б тоже, верно, спрятал былое в самой сердцевине корней, да тревожатся молодые. Чуют боль, а причину уразуметь не могут. Особливо те, кого люди недавно в нашу землю поселили. Как раз на аллее, где юные клены погибли. И я решил — открою сокровенное, пусть знают и не страшатся.

Ранняя выдалась тогда весна. Проснулись мы после зимних холодов и себе не поверили. Шутка ли — середина апреля, а тепло, хоть цветом цвети. Солнце нас ласкало, будто перед летним яром. Вода — вот она, рядышком, и сок в ветвях струился сам собой. Дубок шутил: житуха как в кадке у человека-девочки — никаких забот, никаких усилий. Липа не замедлил свое слово сказать: “Эх ты, желудь! Пока половодье идет, земля тебе воду щедро предлагает. Погоди, наступит июль, будешь ты капельки вытягивать и за каждую благодарить”.

Мы принялись почки напитывать. Каждый норовил перещеголять других и первым листья развернуть. Я осторожничал. Хотя что греха таить, угнаться за молодежью нелегко. Пока каждую веточку соком порадуешь, пока засохшие посчитаешь, глядь — весь сквер в зелени стоит. Зато Липа старался без устали. Молод он был. Кора загубеть не успела еще, а крона раскинулась на диво густая да статная. Листья свежие, росой умытые, благоухали по утрам, и люди случалось останавливались, любовались красавцем.

Сварливая Сирень долго отмалчивалась в углу у ограды, и вдруг выпустила шапку бутонов. То-то мы удивились. Сирень, она милая, теплом добрая. Да только люди ветки ее ломают. Нравится им ее ароматные кисти. Не понимают — не живет оторванный цветок, гибнет. Вот и ворчит старая подруга, жалуется.

Дубок отворял почки медленно, как я его учил. Он вроде бы стеснялся своих кудрявых листьев. Я уж было хотел вразумить малыша, но пришла человек-девочка — она частенько навещала выкормыша — и принялась говорить. Мне показалась, беспокоится она: тепло ее нежное трепетало. И я сказал Дубку: человек тебя любит, волнуется, что листочки твои кажутся меньше других. Наш юный друг насупился. До полудня оленьим мхом молчал. А как дневная жара миновала, предстал перед нами весь в зеленом кружеве, веточки расправил, за солнцем потянулся.

Клены издали поглядывали да завидовали. На годок младше их Дубок, а уже соперник. Им-то в красе первыми хотелось быть. Не зря ж по осени люди их листья в букеты собирают. Да того мало — им бы круглый год великолепием своим тешиться.

В садах у людей яблони и вишни цвет стали набирать. С утра до ночи трудились, спешили. Сирень на них из-за изгороди косилась и ворчала: кто ж в начале мая завязь вскармливают — ну как черемуха о холодах возвестит. А человек-старая-женщина радовалась. Смотрела на юный цвет и таким теплом исходила, что я даже взгрустнул: не в саду расту и нет у меня хозяйки. Нашел бы чем одарить за доброту да любовь.

Двенадцать солнечных восходов мы в весенних ветрах купались. Зима забылась, лето, казалось, на пороге стоит. И вдруг заползла в наши края тревожная весть: холод приближается. Липа отмахнулся — мол, попусту

балаболят лесные Елки. А меня тревога взяла. С чего это наши собраты в лесу забеспокоились и травяным корням о морозе наговорили? Им ли печалиться — стоят себе зимой зеленые под снегом, дремлют, лишь маковками покачивают. Решил я расспросить Лесовиков. Травы мои слова понесли, а сама корешки взялась убаюкивать — поверила сплетням.

Жил в лесу один мой знакомый. Родственник, вернее сказать. Частенько мы переговаривались — благо лес недалеко от человеческого поселка стоял. Вот Береза и откликнулся, поведал: пришла злая весть из северных лесов. Мороз на нас надвигается лютый, непомерный по маю мороз. Лишь два дряхлых лесных старца нечто подобное помнили. Страшная это напасть — говорили они, — засыпать надобно, как на зиму засыпаем, иначе не выжить ни поросли, ни молодняку; и матерым не сдобровать: ветвям да кроне худо придется.

Знал я, не будет Лесная Береза пустое болтать. Передал его слова соседям. Заспорили собраты. Одни кричали: эка невидаль — майские холода, не сажены мы одногодки, нас не напугаешь. Елки возле дома, куда человеческий молодняк каждый утро толпой валит, им вторили — какие там холода, глупости! Другие призадумались. Липа принялся Дубок учить, как сок останавливать, а Сирень подобралась вся, и Яблоням нагоняй — вот, говорили вам! Те, беззаботные, не уразумели и знай свое — цветут. Клены меня на смех подняли. “Никак испугался, дядя Береза! Тебе бы в печке погреться! Огонь, что солнышко, славно от мороза бережет!”

Я обиделся. Испокон не принято у нас про печку шутить, то всякому дереву с малолетства ведомо. Огонь солнцу сродни, уважать его надобно, да остерегаться. Жадный он: дашь лист сухой — ветку отнимет, а коли ветка в его пасть попала, так жди конца. Уж лучше тело свое людям отдать, чтобы жилище строили.

Не разговаривал я с кленами в тот день, хотя они мои корни долго всякими колкостями щекотали, резвились. Что взять-то с них? Из семечек возросли, в человеческом питомнике. Ни родительской памяти, ни науки природной не ведали. Им бы у нас, старших, уму-разуму набираться, да гонор не дает.

А холодный ветер уже мою верхушку гнуть принялся, пичуг с веток согнал. Тополя забеспокоились, поросль свою обильную наставлять принялись. Слышу, и Липа спешно сок в глубокие корни погнал. “День другой потерпим, а там опять цвет в силу пустим,” — оправдывался.

Затаились мы. Кто с любопытством, а кто и со страхом ночи дожидались.

И пришла первая мерзлая ночь. Ударил по ветвям недобрый ветрище, закружил. Промозглый дождь из туч брызнул. Дубок ерохорился, поначалу посмеивался: “Слышь, дядя Береза, как у человека-девочки в кадке! Она, глупышка, меня однажды ключевой водицей помыла. Ух, и мерзко я себя чувствовал!” “Помолчи, балагур, — остерег его Липа. — Кадка твоя в тепле стояла, высох, и лады. Завтра тебе долго греться придется, на солнышко только и уповай”. Страшно им обоим было. Чували — корешками своими, нутром, что не скоро солнце увидят.

К утру ближе дождь легким сделался. Я и не догадался сразу, почему. Дубок меня разбудил.

“Дядя Береза, что это вокруг? Это Тополя семена сбрасывают? Такие холодные?”

Я листья свои послушал, да так и оторопел. Снег! Что зимой, летели на нас с небес морозящие хлопья. И падали, падали на ветки, на свежие листья, на теплые стволы.

“Воду земле верни, — велел я Дубку. — Да смотри, чтобы в ветвях не боле капли осталось, иначе отмерзнут.”

“Как же так, Дядя Береза! Ведь листочки завянут, а почек новых мне уже не вскормить”.

“Солнце воротится, оживут твои первенцы. А пока ветки да корни береги. В них вся сила твоя.”

Занялся рассвет. Тусклый туманный. Светило наше родное из-за туч не показалось и тепла не дало. Глядело на нас грустно из-за сизой дымки и редкими лучами поглаживало верхушки тех, кто повыше стоял. Как будто успокаивало, жалело. А снег носился в мерзлом воздухе, ложился на листья плотнее, плотнее. Скоро все мы стояли точно яблони в белом цвету. Только цвет этот был сродни смерти.

Человек-женщина прошла мимо меня, и ее собака комель мой оросила. Весело было псу — прыгал, сугробы на траве лапами разбивал. А человек грустила. Маленькое солнце, что внутри ее ствола спрятано, особую теплоту излучало. Я никогда раньше подобного не чувствовал.

“Нас жалеет, — подсказал мне Липа. — Она коснулась моей ветки. Ей плохо потому, что плохо нам.”

Проходили по скверу и другие люди. Тусклое у них тепло, невнятное. Я лишь шаги корнями ощущал. Спешат туда, где их ждут заботы. До наших бед им дела нету. Но я пожелал им хорошего дня. Я всегда желаю людям хорошего дня, хоть наверняка знаю — не услышат. Старый родитель мой, от чьих корней меня ростком оторвали да в сквер принесли, всю память мне передать успел. Порой мерещилось мне, будто мои ветки рыдали, когда со всех сторон летел металлический дождь. И стоны развороченной земли будто сам я слышал. И уходящее тепло упавшего человека будто бы я провожал, и сок его тела по моей коре разливался. Мудрая Береза говорил: люди злое время называли войной. Их тепло в ту пору было для старого дерева как паводок весенний — впитывай, принимай тайные силы круга земного. Теперь и я умею человеческое тепло прочитывать. И Липа умел...

В небесах холодные тучи гуляли, снег сыпал, как зимой. Одно неладно: зимой страшиться снега не надобно — листья сброшены, корни да поросль под сугробами согреты, и сок тонюсенькой струйкой тянется. Нынче же нам напасть лютая грозила. Тяжело мокрый снег на листьях держать. Крона моя уже поникла, сплошь в холодных липких лепешках. Сила из ветвей уходила. Больно. А Дубок — тот совсем пригнулся к земле. Но не жаловался, терпел. Липа молодцом держался, другие наши собраты сурово молчали. Сирень лениво переругивалась с товарками из сада человека-старой-женщины. Я было хотел призвать ее к спокойствию, но не стал, догадался: опытная соседка не позволяла Яблоням духом упасть. И вот чистила их почем-зря, гордость щипала, заставляла в ответ хорохориться, о горе забыть. Ведь нам здесь, в сквере, давно понятно стало, что завязь свою милые кумушки потеряют безвозвратно.

Застонали Тополя. У одного огромная ветвь под снежным бременем захрустела. Липа корешки растопырил и своими соками Дубок окружил. И я по

его примеру. Не ко времени было нашему юному другу слышать вопль раненого товарища.

Снегопад на убыль пошел и вскоре иссяк. Но Тополь еще долго голосил, проклинал тучи и ветер, а оторванная ветвь отчаянными стенаниями наши корни мучила. Не одно солнце прошло по небосводу прежде, чем она зачихала, жизнь до капли земле отдала.

Я к Дубку обратился и вдруг осознал, что его, беднягу, та же участь ожидает. Гибкость юных ветвей до сих пор ему устоять помогала, но если солнце вскорости снег не растопит, не мороз ночной, а мокрая тяжелая масса убьет малыша, сломает пополам. Ужас просочился во все мои волокна.

“Кошка. Фу, опять эта жирная кошка!” — воскликнул меж тем Липа.

Посетил нас самый нежеланный гость. Жила хитрая откормленная бестия где-то поблизости, а в сквере развлекалась: охотилась на маленьких серых птичек. Я ее более всех не любил. Кошка когтями в мою кору вцепилась и по самым тонким веточкам пробиралась прямехонько к птичкам. К счастью, до сих пор смертоубийство обходило стороной. Но я — грешно, знаю — не мог удержаться от ярого желания как-то да сбросить вредное животное на землю.

“Эй, сосед, кажется, у нас не ладно, — испуганно зашептал Липа. — Гляди, она сейчас стряхнет с меня снег”.

“Так радуйся,” — Дубок силился веселым казаться.

“Глупый желудь! Снег свалится на тебя!”

Признаюсь честно, растерялся я. Широка крона у Липы, так широка, что наши ветки порой встречались. А Дубок аккурат под ними рос. Чем тут другу подсобить?

Нежданно-негаданно помощь предложила Осина. Издавна славилась она у нас несокрушимым равнодушием, и уж от нее, единоличницы, мы никак не чаяли подмогу получить.

“Пожалуй, я сумею согнать Существо, — вяло изрекла она. — Белостволий, дай-ка тронуть твои корешки, а ты, Красавчик, ожидай меня в гости”.

Я не раздумывая открыл ей самые сокровенные пути в корнях. Тотчас сок ее в мои волокна влился и потек, потек. Меня аж озноб пробрал. Показалось, что выпьет она сейчас всю мою жизнь целиком. Липа вздрогнул, когда алчный сгусток к его стволу приблизился. А Осина лишь усмехнулась, и тепло свое особое дальше понесла, к ветке, куда жирная кошка взгромоздилась. Как корни вбирают окрестную влагу знойным летом, так тепло Осины впилося в животное и принялось заглатывать ее силу. Ошалела когтистая, в панике прыгнула на ствол и стремглав кинулась наутек. Комья снега с ветвей Липы на землю осыпались. Дубок остался невредим.

“Рада была пособить, — удаляясь, сказала Осина. — Долгих лет тебе, Выкормыш человеческий!”

“А она меня напугала, — признался Липа. — Случись что, из любого из нас жизнь высосет, как пчела нектар. М-да...”

Опять закружился снег. На сей раз он оказался легким, будто тополиный пух, по-зимнему сухим и холодным. Дубок, как ни крепился, согнулся в три погибели. Ослабел он, того гляди не выдержит, обломится юный ствол. Но повезло выкормышу: человек-девочка прибежала в сквер любимца проведать. Снег с веток стряхнула, обхаживать принялась. А он, как в себя пришел, и так и этак перед ней. Даже теплом делиться попробовал, да не знает она нашего языка. Зато я ее яркое, цветущее тепло понял. Оказывается, Дубок-то родитель

посадил аккуратно в день ее рождения. Вот и росли они вместе — дерево и человек, и друг друга преданно любили.

Минул лихой день, и ночь нас накрыла. Ни луны, ни звезд — только тучи на небе. Травы из лесу весть принесли. Лесной родственник мой говорил: не ждите тепла в семь ближайших солнц, к худому готовьтесь, терпите. Соседи выслушали меня, приуныли. Кто-то предложил — сбросим листья, да в сон уйдем, а иначе того гляди стволы отмерзнут, как минувшей осенью у садовой Сливы. Я против высказался. Не резон нам раньше времени от солнца и воды отказываться.

“А, какой смелый! — подали голос Клены. — Сам выше Елей вымахал, тебе-то что — одной веткой больше, одной меньше.”

Трудно с дурными. Наскакивают почему зря, нет, чтоб послушаться совета.

“Как поступать собираешься, Белостволый?” — спросила Осина.

“Листья воды лишу, молодые корешки усыплю. С семенами проститься придется, да то не беда. Будет новая весна, будут и семена”.

Я нарочно громко говорил, чтобы молодые гордецы звездолестные услышали. Много я от них грубостей видал, но не казнить же лихом за кривое слово. Подрастут, образумятся.

Пока мы совет держали, Сирень все больше Яблони в саду слушала. А после к нам обратилась и говорит: мол, худо дело — погибает молодняк, весь сок в землю отпустил, ветви замерзают. Мы дружно к саду повернулись. Кто поближе к ограде рос, принялись Яблони теревить, да уговаривать. Да попусту все, для них горе — что каменная стена. Отгородились от нас, не слышат. Стоят под снежной шапкой, оплакивают погибшие завязи.

Пока мы кумушек уговорить да успокоить пытались, в саду человек-старая-женщина сновала. Придет — уйдет, придет — уйдет. Я к шагам прислушался. Придет — с тяжелой ношей. Уйдет — налегке. И тут дымом потянуло. Огонь!

Свято преданы мы солнцу, но пасынка его сторонимся. Не видали мы добра от него, лихо одно. Вот все как по команде и притихли.

Костер сильнее и сильнее разгорался. Стволы лесных собратьев в огне горели, как солнце жаром согревали замерзший сад. А человек-старая-женщина так и топала туда-сюда, туда-сюда.

Сирень к ограде прильнула.

“Сгоришь, дуреха,” — остерег кто-то из соседей.

“Не кликай, — огрызнулась ворчунья. — Человек-старая-женщина мертвые деревья для себя припасала, в своем доме солнце сотворить хотела. А теперь всё Яблоням отдала. Отогреваются, кумушки. Авось живыми будут”.

Скоро снег кружиться перестал. Солнце из туч лучи спустило. Холод не прогнало, но светом порадовало.

А дальше — хуже. Май будто наряд чужой надел: претворился коварным октябрём, морозом задышал. То дождь ледяной, то снег мокрый, то ветер промозглый. Сок в волокнах стыл, да так, что к молодым веточкам доползать вовремя не поспевал. Отмерзали ветки. Гибли. Липа и тот сплеховал, большую ветвь потерял.

Сирень тихо плакала. Одна за другой чернели цветущие кисти. Холод, что огонь разгулявшийся, все пожирал, оставлял за собой мертвую сушь. И конца беде лютой не видеть было.

Дубок — умница, строго слову следовал. Солнце днем ласкалось, молодежь тут же на радостях водицу принималась тянуть. А наш — ни-ни, брал ровно столько, чтобы сил хватило сок по всем веточкам пропустить, да к ночи затаиться. Тех, несмышленных, мороз ночью насмерть прихватывал. Много поросли погибло. Дубок же только одну веточку отморозил. Пригорюнился, как наказание принял.

“Дядя Береза, разве я не слушался тебя? Разве водой жадничал?”

“Нет, — говорю ему, — все по закону делал. Да только есть в жизни то, что не во власти нашей изменить. Берут верх над нами и холода, и огонь, да и люди — случается. А ты живи и земле-матушке верь. Испытывает она, силу проверяет. Слабых да глупых — заберет, не позволит плохой памяти множиться, а других прочно стоять научит”.

Кивали моим словам соседи, соглашались. Боль свою поглубже в корни спрятали, хоть тяжело всем было. Ни один невредимым не остался. Самое меньшее — листочки иссохли. А у кого и хуже — цветы да поросль погибли, ветки отмерзли, корни застыли.

Друг за друга мы держались. Будили, коли кто в дрему впал не вовремя. Вот только Клены мы не уберегли. Те все больше с Елями общались. А Ели, что они о нас, лиственных, знают? Кликали мы, кликали к беднякам Кленам, да с каждым часом слабее их ответ становился. И рады бы уж нашим советам внять, да сил не осталось. Убил мороз юные стройные создания. Заледенил стволы, погубил молодые корни. Настало новое утро, и не докричались мы до Кленов.

Беда — она для всех одна. О людях помнить я не забывал. И они о нас радели сердечно. Человек-девочка прибежала, корни Дубка мхом лесным укрыла. Я ей спасибо сказал.

Другие люди тревожные ходили. Тепло их бурлило, что ручей в половодье: злились, значит, на погоду. В домах у них холод поселился, не прогонишь. Маленькие дома, из наших братьев сложенные, они огнем согревали. А большие каменные промерзли до нутра. Брат-Липа сказал как-то: и почто печь не ставят, обогрели бы жилище. Дубок своей ученостью блеснул: “Там, дядя Липа, печи особые. Их разом включают по осени и всю зиму тепло. А весной — не положено. Весной солнце греет”.

Эх, знали бы друзья мои прямоствольные, какую напасть накликали!

Ночь опустилась, тихо в сквере стало. Вздремнул я. И тут слышу — человек идет. Плохое было в его шагах, а тепло, как сухая земля, твердое, билось внутри, будто наружу вырваться хотело. Так люди страхом мучаются. И злятся тоже так.

Мимо меня прошел человек, ствол рукой тронул. К брату-Липе шагнул. Вдруг удар раздался. Вскрикнул Липа! А человек второй удар обрушил. Топором. И еще, и еще. Никогда не забуду, как друг мой кричал. Соседи зашумели, а я к человеку тепло простер — умолял прекратить. Не случилось чуда, не услышал он меня. О своем замерзающем ростке думал, и рубил, рубил... Осина к нему свой сок бросила, надеялась остановить, как кошку остановила. Да не по корням ей человек-мужчина.

Застонал, рухнул Липа. До корней моих его голос донесся: не поминай лихом, брат, да Дубок береги; живите в мире...

Потом человек ветки рубил, молодой ствол на части крошил. Только не слышал я более ничего. Корни мои горе в узел скрутило.

Соседи-собратья поведали на другой день все, что услышать успели. Унес человек тело брата-Липы в большой каменный дом. Акация, что во дворе его росла, рассказала, как дым из одного окна тянулся. Видать грели жилище. А я росток человека того вспомнил. Видать, с отчаяния родитель в сквер пошел дерево рубить. Погибал его росток, как наши в стужу засыхают.

Долго я думал потом. Почему Липу? Почему не меня? Ведь жара с моих веток больше будет, это всякий знает. А ответ простой оказался: толст мой ствол и вершина повыше крыш будет. В одиночку не повалил бы меня человек, вот и повернулся к тому, кто помоложе и потоньше. К Липе.

Как-то давно молодежь меня спросила: какой смертью лучше умирать дереву? “Лишь бы не в печке”, — не раздумывая ответил я. А сейчас смотрю на сруб, что от брата-Липы остался, и иное на ум приходит. Его тело в тепло превратилось и спасло человеческий росток. Росток взрослым станет, много дел совершит. И пусть это будут добрые дела, как те, что человек-девочка творит. Ради жизни можно свою жизнь положить. Ведь земля у нас одна — у нас, деревьев, у людей, у зверей. Мы друг друга поддерживать должны, и любить. Так испокон веков было, и будет так.

Холода ушли. Канули в память. Скинули мы вялые, замерзшие листья. Зеленый листопад ветром унесло. Солнце ярче светить стало, и из лесу весть пришла: встречайте лето! Двигается к нам жаркий дух.

Вот так и пережили мы лютую напасть. А о том, кто из мая того уже не вернется, мы помним. И о неродившихся яблочках, и о погибших Кленах. И Липу помним. Земля позволит, превратится его единственная почка в росток. Мы землю хорошо о том попросим.

г. Тверь, Май 1999

Опубликовано:

Когда дышал морозом месяц май // "Тверская жизнь". - 2000. - №105. - С.6.

Когда дышал морозом месяц май// "Предел бесконечности". - Тверь, Чудо, 2001. - С.251-261